

Декабристы въ Тобольской губерніи.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Знакомство мое съ декабристами, болѣе или менѣе близкое, началось съ 1839 г. и продолжалось около 10 лѣтъ. Въ декабрь 1839 года, окончивъ курсъ ученія въ Тобольской губернской гимназіи, я семнадцатилѣтнимъ юношей опредѣленъ былъ учителемъ русскаго языка въ Ялуторовское уѣздное училище. Въ городѣ въ это время изъ числа государственныхъ преступниковъ находились на жительствѣ: Андрей Васильевичъ Ентальцевъ съ женою Александрою Васильевою, прѣхавшею къ мужу въ Покровскій заводъ Иркутской губерніи, вмѣстѣ съ княгинею Волконскою; Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ съ женою Марьею Константиновною, дочерью одного офицера въ Иркутской губерніи, тамъ же и вышедшею за него замужъ. При нихъ жили двѣ воспитанницы, подростки, Августа и Анна Матвѣевны; Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, съ которымъ М. И. былъ особенно друженъ; Иванъ Ивановичъ Пуциль и Евгений Петровичъ Оболенскій (старше холостяки) и Василій Карловичъ Тизенгаузенъ. Каждому изъ нихъ было лѣтъ по 50-ти и только Ентальцеву подѣ 60 и Тизенгаузену вѣ 70.

Чтобы имѣть понятіе о томъ: въ какомъ захолуствѣ

и при какой обстановкѣ эти почтенные люди изъ аристократическихъ фамилій и получившіе всѣ высшее образованіе, принуждены были провести нѣсколько лѣтъ своей на развѣтѣ разбитой жизни, необходимо давъ понятіе о самомъ мѣстѣ ихъ жительствова и лицахъ, составлявшихъ тогда сливки уѣзднаго общества.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, контингентъ цивилизованнаго общества уѣздныхъ городовъ составляютъ лица, начивая съ 8 класса табели о рангахъ и выше, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи и только ниже 8 класса, гимназисты, реалісты и въ рѣдкихъ случаяхъ, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ или учительскихъ семинаріяхъ. Не то было назадъ тому 50 лѣтъ и болѣе, когда чиновникъ, окончившій курсъ въ гимназій, составлялъ уже исключеніе. Служители Фемиды болшею частію получали образованіе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, низшихъ классахъ духовной семинаріи и даже не рѣдко—домашнее, научившись читать, писать и первымъ правиламъ ариметки. Самый же городъ Ялуторовскъ, находясь отъ губернскаго города Тобольска въ 260 верстахъ, по словамъ мѣстнаго преданія, получилъ названіе свое отъ имени татарскаго князька Ялутора, основавшаго тутъ свое пребываніе во времена еще доисторическія для Сибири. Памятниковъ старины въ Ялуторовскѣ не осталось; единственнымъ украшеніемъ его въ описываемое время служили двѣ каменныхъ церкви, да два-три небольшихъ каменныхъ дома весьма непрехотливой архитектуры: изъ нихъ домъ, занимаемый уѣзднымъ училищемъ, обращалъ на себя особенное вниманіе оригинальностію своей постройки: это было что-то среднее между харчевнею и погребомъ. Все помѣщеніе этого храма наукъ состояло изъ трехъ коморокъ тѣсныхъ и сырыхъ до такой степени, что посторонній человѣкъ, пробывъ въ нихъ часъ времени зимою, выходилъ

оттуда на воздухъ, какъ угорьлый. Въ одной каморѣ помещались 1 и 2 классы (vis-a-vis другъ къ другу), разделяясь между собою лишь небольшимъ шагомъ въ два шириною проходомъ для преподавателей. Ученики 1 класса могли безнаказанно дѣлать гримасы ученикамъ 2 класса; а эти послѣдніе въ свою очередь ствѣчать имъ бравдскугелями изъ кусковъ мѣла или пережеванной бумаги; въ виду такой перестрѣлки на преподавателяхъ училища лежала двоякая обязанность: сѣять въ сердца своихъ пациентовъ сѣмена просвѣщенія и въ тоже время останавливать бурные порывы ихъ вопиственныхъ склонностей. Между этими соединенными штатами и 3 классомъ на пространствѣ шести шаговъ длинника и шаговъ трехъ поперечника, красовалась конференцъ-зала съ однимъ, какъ будто-бы, крапенымъ столомъ и четырьмя ветхозавѣтными стульями для чиновъ училища, получавшихъ здѣсь отъ зрителя мѣсячное жалованье.

Если не въ привлекательномъ видѣ припелось мнѣ, въ качествѣ правдиваго бытописателя, описать помещеніе уѣднаго училища, то я уже не знаю, какъ приступить къ описанію приходекаго, или какъ тогда называемаго приготовительнаго класса, помещавшагося въ старомъ деревянномъ амбарѣ мѣщанина Кунгурова. Для необходимаго святилищу наукъ свѣта въ амбарѣ этомъ прорублено было два окна, въ которыя было вставлено пѣчто вроде стекла. принявшихъ на себя отъ времени синій, зеленый, голубой и, кажется, всевозможные цвѣта, кромѣ настоящаго. Полы, состоявшіе изъ дыривыхъ барочныхъ плахъ, были хотя и не болно красивы, но зато, по крайней мѣрѣ, безопасны, что никакъ нельзя сказать о погольѣ, имѣвшемъ такой видъ, что средина его обнаруживала сильнѣйшее тяготѣніе къ земной поверхности.

Описавъ оригинальное устройство единственнаго въ городѣ и округѣ въ то время учебнаго заведенія, я не-

исключительнымъ считаю сказать несколько словъ и объ оригинальномъ начальникѣ его. Иванъ Александровичъ Дукинъ происходилъ изъ остяковъ Березовскаго края, получивъ какимъ-то рѣдкимъ въ то время случаемъ, образованіе въ Тобольской гимназіи. Онъ былъ роста ниже средняго и ходилъ всегда мѣрыми шагами, заложивъ руки назадъ. Обыкновенный костюмъ его составляли во все дни, кромѣ въ торжественныхъ, когда уже по необходимости нужно было облекать себя въ мундириую пару: синяя рѣшетчатая фуражка, верхъ которой отъ всеокрушающаго времени казался какъ-бы покрытымъ политурою, синяго же цвѣта вицъ-мундиръ съ брюками, недоходящими до пяты, желтый матерчатый жилетъ съ синими стеклянными пуговками и постоянно бѣлый галстухъ. Финаль его костюма составляла синяя же съ короткимъ краганомъ и длинными всякими рукавами шинель; фраковъ же и сюртуконъ почтенный начальникъ училища никогда не носилъ, а сукно на платье покупалъ обыкновенно не дороже 2 или 3 рублей ассигнаціями за аршинъ. Затѣмъ, правду надобно сказать, что онъ свое дѣло зналъ и любилъ, а казеннымъ рублемъ дорожилъ болѣе, чѣмъ собственнымъ. Любилъ онъ иногда въ компаніи вынуть лишнее, возбуждая во всехъ смѣхъ, ну да это и не съ однимъ имъ бывало. Упомянувъ объ учебныхъ заведеніяхъ г. Ялуторовска, нельзя умолчать о томъ, что 50 лѣтъ тому назадъ во всемъ Западно-Сибирскомъ краѣ существовала только одна гимназія въ Тобольскѣ; остальные же затѣмъ города безропотно довольствовались чѣмъ Богъ посылалъ: напримѣръ, Томскъ — уѣзднымъ училищемъ. Омскъ — казацкою школою, Семипалатинскъ и Петропавловскъ — приходскими училищами.

Существовали въ Ялуторовскѣ и другіе оригиналы, напр., почтмейстеръ Михайль Федоровичъ Филатовъ. Это былъ великанъ и силачъ, любившій также по временамъ

„зашибить муху“. Въ трезвомъ видѣ эго былъ человѣкъ такъ себѣ, любилъ преимущественно пофилософствовать о предметахъ религіознаго содержанія и даже поспорить иногда, напримѣръ, объ апокалипсическихъ пророчествахъ, или столпотвореніи вавилонскомъ, но въ хмѣльномъ видѣ онъ былъ ужасомъ для своего семейства, разгонялъ изъ дому жену и дѣтей и бѣгалъ по комнатамъ чуть не въ первобытномъ состояніи. Выслужившись изъ почтalionовъ, онъ кой-что успѣлъ скопить на черный день и былъ очень друженъ со зрителемъ Лукшинымъ и если имъ случалось гдѣ-нибудь пройти по пятой — ио десятой и затѣмъ завести между собою какой-либо паздательный разговоръ, какъ, напримѣръ, о казняхъ Египетскихъ или столпотвореніи Вавилонскомъ, то наши Орестъ и Пиладъ разгорячались иногда до такой степени, что наговоривъ другъ другу всевозможныхъ колкостей на счетъ мозговой интеллекціи, разставались злѣйшими врагами до слѣдующаго дня или слѣдующей выпивки.

Обруженнымъ судьей былъ нѣкто Степанъ Степановичъ Бурцевъ, считавшійся острякомъ въ своемъ кругу: на досугъ онъ не прочь былъ, подобно прочимъ, кутнуть порядкомъ, а подъ веселую руку и отправиться на Запольную улицу, имѣвшую репутацію Кунавинской слободы въ Нижнемъ. Будучи человекомъ семейнымъ, Бурцевъ велъ жизнь кочевую, проводя утро на службѣ, а вечера и ночи, гдѣ приходилось. Когда же случалось, что кто-нибудь изъ знакомыхъ напрашивался къ нему поиграть въ карты, то онъ обыкновенно отшучивался, говоря: „прошу покорно, когда угодно, только меня дома не будетъ“. Когда приходилъ къ кому либо въ чайное время и получалъ приглашеніе раздѣлить съ хозяевами компанію, то онъ скороговоркою отвѣчалъ: „отчаялся уже, друзья, отчаялся“; если же ему случалось съѣсть за преферансъ съ друзьями и просить закрытаго вѣста, то онъ, улыбаясь, со-

ворить: „пойдемте, барынька, въ темную“.

Про есауливица его, засѣдателя окружнаго суда, Михаила Федоровича Епанчина, рассказывали слѣдующій. Въ наше время неправдоподобный даже, анекдотъ. Однажды судья, занимаясь въ присутствіи, обратился къ Епанчину съ просьбою достать изъ шкафа, стоявшаго въ канцеляріи, XVI томъ св. зак. Несчастный старикъ, не понимая тутъ злаго умысла со стороны пачальства, бросился искать просимую книгу и проискавъ ее болѣе получаса при общемъ смѣхѣ канцеляріи, возвратился въ присутствіе и отранпортовалъ судѣ, что XVI тома на лицо не оказалось, а вѣроятно опъ взять кѣмъ-либо изъ служащихъ на домъ. Спусти послѣ этого недѣли двѣ, судѣ дѣйствительно понадобился XV томъ, по онъ, будучи занятъ какимъ то важнымъ дѣломъ и не имѣя времени лично выпнуть его изъ шкафа, обратился къ Епанчину, прося подать ему эту книгу.

—Нѣтъ, Степанъ Степановичъ, отвѣчалъ послѣдній, XV-го то тома нѣтъ; будто ужъ я в этого не знаю. Естественно, что кромѣ подписи журналовъ опъ ничѣмъ въ судѣ не занимался.

Единственный врачъ на городъ и округъ К—въ былъ каждадневно съ 11 часовъ утра пьянъ, а иногда, что называется, даже до положенія ризъ.

Были и еще подобные имъ чудаки-покойники. — по распространяться о нихъ не стоить. Я свазалъ „покойники“ и дѣйствительно: нынѣ уже покойники, окончившіе свое земное странствіе лѣтъ 25 и даже 30-ть тому назадъ.

Существовали, конечно, и очень порядочные люди, какъ напримѣръ, исправникъ М—чъ, городничій В—въ, стражчіе К—но и П—въ, но они составляли уже исключеніе.

Конечно, при такомъ непредставительномъ составѣ

городского общества, декабристы бывали весьма въ интеллигентныхъ домахъ, а изъ купцовъ только у И. Ф. Мамонтова, друга извѣстнаго патріота В. А. Алева. Кокоревъ и подобно ему миллионера, управлявшаго въ то время якутскими откупомъ и у купца И. И. Балашива.

Такимъ образомъ наилучшее общество г. Якутска составляли декабристы, но если они бывали только въ немногихъ домахъ, то и у нихъ бывали также очень немногіе изъ горожанъ, а изъ учебной корпораціи только законоучитель уѣзднаго училища протоіерей С. Я. Знаменскій, а н Жилинъ, впоследствии непрѣмный членъ Тобольской губернской строительной комиссіи.

Ентальцевъ занималъ небольшой деревянный флигель при домѣ купца Слюпина. Самъ А. В. былъ больной человекъ и рѣдко показывался даже у своихъ товарищей, у которыхъ за то А. В.—на бывала почти каждую недѣлю. Старикъ, не смотря на собственное болѣзненное состояніе, съ юношескимъ жаромъ занимался медициною, не отказывая въ своей безплатной помощи ни богатому, ни бѣдному и покупая иногда необходимыя для того домашнія средства, даже изъ собственности своей. Бѣдняки долго вспоминали этого благодувнаго безсребренника. Онъ умеръ, сколько мнѣ помнится, въ Якутскѣ, а жена его возвратилась въ Россію.

И. Д. Мушкетъ всецѣло посвятилъ себя математическимъ и естественнымъ наукамъ и между прочимъ устроилъ на своей квартирѣ въ домѣ одной бѣдой вдовы-мѣщанки, вѣтромѣръ, состоявшій изъ утвержденного на оськожъ шесть горизонтальнаго колеса, открытаго для вѣтровъ со всѣхъ сторонъ; къ оси этого колеса былъ приделанъ механизмъ, приводившій въ движеніе стрѣлку, которая, вращаясь на циферблатѣ, подобномъ часовому, показывала сумму вѣтра въ данное время.

Съ этимъ-то вѣтромѣромъ вскорѣ по приѣздѣ моемъ

въ Ялutorовскѣ случилась довольно забавная исторія. Почти въ теченіи всего лѣта въ городѣ и окрестностяхъ его не было дождей: между тѣмъ, какъ въ дальнихъ селеніяхъ ихъ было даже слишкомъ много. Не рѣдко собирались надъ городомъ тучи, но разносились вѣтрами, быстро разлетались, не орошая ни одной каплей задохшихъ и пожелтѣвшихъ полей; травы горѣли, хлѣба сохли на корнѣ и жители, придя въ отчаяніе отъ угрожавшей имъ голодовки, начали уже служить молебны, — но не помогло и это, дождей все не было. Въ столь печальныхъ обстоятельствахъ между мѣщанами города распространился слухъ, что Якушкинъ, занимающійся черною магіей, устроилъ у себя машину, которая посредствомъ нечистой силы съ низгомъ и скрипомъ разгоняетъ собирающіяся надъ городомъ тучи, что фармазонъ Якушкинъ давно уже продалъ дьяволу свою душу, а нянѣ кровью обязался заколдовать ему и все христіанскія души въ городѣ. Рюнь этотъ все болѣе и болѣе увеличивался и наконецъ составилъ заговоръ противъ такого бѣсовскаго навожденія и вотъ въ одну темную ночь, когда все улеглось на покой, нѣсколько смѣльчаковъ съ топорами и заступами въ рукахъ забрались на дворъ къ Якушкину, срубали шестъ, разломали на мелкія части механизмъ вѣтромашины и выкопавъ за городомъ, вблизи еврейскаго кладбища, яму, закопали въ нее дьявольское навожденіе. Слѣпому случаю удалось доставить невѣждамъ торжество: на третій же день появились на небѣ тучи и благодатная влага щедро оросила тоскующую землю. Истребители нечистой силы торжествовали свой подвигъ и впоследствии, уже подъ веселую руку, рассказывали о немъ съ виднымъ удовольствіемъ.

И. Д. былъ женатъ на Шереметевой, вѣсколько разъ просившей у него дозволеніе пріѣхать къ нему въ Ялutorовскъ, но онъ упорно уклонялся отъ этого, упрямъ

шпаль ее смотрѣть за воспитаніемъ въ Москвѣ дѣтей Ев. и Вяч., изъ которыхъ одинъ состоялъ недавно (а можетъ быть и теперь состоитъ) управляющимъ Нижегородской палатой государственныхъ имуществъ, а гдѣ находится другой—неизвѣстно.

Другъ незабвеннаго поэта Пушкина, И. И. Пущинъ и товарищъ его Е. П. Оболенскій жили сначала вмѣстѣ на холостую ногу въ домѣ купца Бронникова; впоследствии же времени они разошлись и вотъ по какому случаю: у Пущина жила педурневская горвичная, или экономка, что-то въ родѣ этого, по имени Варя, дѣвушка лѣтъ 20; Оболенскій при всей своей религіозности и строгихъ правилахъ жизни, не имѣлъ силы устоять противъ ея голубыхъ глазокъ, сблизился съ нею и послѣдствіемъ этого, конечно, была беременность дѣвушки. Желая искупить передъ Богомъ и людьми грѣхъ свой, Е. П. рѣшился жениться на Варѣ. И. И. дружески уступилъ ее и свадьба скромно состоялась на новой квартирѣ вовобрачныхъ, въ домѣ купца Ильяныхъ. Сначала молодая Оболенская не была принята въ кругу декабристовъ, по впоследствии Муравьевы, а за ними и остальные товарищи по изгнанію, изъ уваженія къ мужу, приласкали ее и она стала посѣщать ихъ.

У Оболенскихъ были впоследствии дѣти, которымъ по вступленіи Императора Александра II на престолъ присуждено было княжеское достоинство, чего—почему-то не получили его отецъ и мать и поэтому случаю Пущинъ съострилъ однажды: „что Оболенскій самъ хотя и не князь, но князей на свѣтъ производитъ“.

Евгеній Петровичъ былъ очень религіозенъ: онъ любилъ бесѣдовать о религіи съ тогдашнимъ глубоко вѣрными уважаемымъ протоіереемъ С. Я. Знаменскимъ, каждодневно посѣщалъ церковныя службы и два раза въ годъ говѣлъ въ соборной церкви.

Однажды, встрѣтившись съ какимъ-то довольно важнымъ лицомъ, прѣзжавшимъ изъ Петербурга въ Восточную Сибирь, Е. П. проговорился ему, что изгнаеиъ въ Сибирь опъ и товарищи его, частію, обаяиъ М. И. Ростовцеву. Это какъ-то дошло до свѣдѣнн громякаго въ то время начальника главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній и вотъ между нимъ и Е. П. началась переписка, результатомъ которой было то, что Е. П. сознался въ ошибочности своего отзыва о старомъ сослуживцѣ.

И. И. Пущиивъ былъ напротивъ жлваго и веселаго характера, любилъ иногда и подтрунить надъ ближнимъ. Получивъ образованіе въ Царско-Сельскомъ лицѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, барономъ Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ, И. И. любилъ въ компаніи вспоминать свою студенческую жизнь, ея кутежи и хроническія увлеченія. Онъ не только помнилъ имена и фамиліи многихъ своихъ товарищей, но даже не забылъ какъ-то и нѣкоторыхъ служителей лица, чѣмъ либо выдававшихся.

Однажды онъ передалъ намъ подлинникомъ павѣстное стихотвореніе Пушкина, которое въ печати значилось такъ:

Разъ случилось отъ печали
Лиза, я да Кундонъ
По бокалу осушили
И гонили мудрость вопъ.

Между тѣмъ какъ оно Пушкиныхъ было написано такъ:

Разъ случилось отъ печали
Пушкинъ, Пущиивъ и баронъ (Дельвиговъ)
По бокалу осушили
И Фому гонили вопъ.*)

* Фома былъ лицейскій служитель, несомннмый молодежь.

Пушницъ находился въ постоянной перепискѣ съ товарищемъ своимъ С. М. Семеновымъ (по событію 14 декабря). Семеновъ въ это время находился уже на службѣ въ должности совѣтника Тобольскаго губернскаго правленія*).

Семидесятилѣтній старецъ В. К. Тизенгаузенъ, изъ Остзейскихъ дворянъ, жилъ въ собственномъ огромномъ деревянномъ домѣ на выѣздѣ изъ города, недалеко отъ кладбища. Первый домъ его, построенный на этомъ же мѣстѣ, будучи подожегъ какими-то негодяимъ, сгорѣлъ дотла; но это обстоятельство не помѣшало В. К. выстроить тутъ же другою и въ такихъ же размѣрахъ, но вскорѣ, отъ неизвестной уже причины, сгорѣлъ и этотъ, и обозлившійся старикъ выстроилъ уже третій, въ которомъ и жилъ уже до выѣзда своего изъ Ялуторовска. Жилъ онъ одинъ-одиночекъ, хотя помѣщенія у него все-таки достало-бы и для двухъ или трехъ семействъ. Единственный слуга его, отставной солдатъ, помѣщался во дворѣ на кухнѣ. Стола своего В. К. не пилъ, а обѣдалъ поочередно у своихъ товарищей. Это былъ желѣзной натуры человекъ; по собственнымъ его словамъ онъ, проживъ 70 лѣтъ, никогда не хворалъ серьезно; почувствовавъ же легкое нездоровье лечился дѣткою, не употребляя пиши по два по три дня и увѣрилъ всѣхъ, что въ началѣ каждой болѣзни ее можно излечить одною дѣткою.

Неужели, спрашивали мы, молодежь, и вередъ можно излечить дѣткою?

— „Испремѣно, отвѣчалъ онъ; причинною вереда быва-

*) У Н. П. я имѣлъ случай прочесть на французскомъ языкѣ записки Грибье, описавшаго царствованіе Императоровъ Павла и Александра I-го, возмущеніе на престолѣ Николая включительно подъ заглавіемъ *Ses souvenirs d'homme d'armes*, гдѣ обстоятельно событія 14 декабря описаны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ не вѣрно и даже фамиліи нѣкоторыхъ декабристовъ попереканы, такъ напр. Анисковъ названъ *Wanincoff*.

его испорченная кровь, а чтобы привести ее въ нормальное положеніе, нужно нѣсколько дней поместиться. Разумѣется болѣзни, требующія хирургической операціи, подъ эту категорію не подходят". Сердечныя свои дѣла почтенный вегетарианецъ обдѣлывалъ настолько удовлетворительно, что ему позавидовалъ бы иной и 20-ти лѣтній юноша. Влеченію къ женскому полу было единственною слабостью его; никогда и ни о комъ онъ не позволялъ себѣ отзываться дурно, а извѣстнымъ ему бѣднякамъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ; холодное же благополучіе его доказывали нѣсколько случаевъ, бывшихъ съ нимъ еще въ Читѣ. Въ особенности изъ нихъ у меня остался въ памяти слѣдующій, лично имъ мнѣ рассказанный въ 1839 году. Однажды товарищи его, выведенные изъ терпѣнія разными притѣсненіями грубыхъ и невѣжественныхъ надсмотрщиковъ, вздумали было наотрѣзъ отказаться отъ заводскихъ работъ. Подобный поступокъ подходилъ уже на возмущеніе и В. К., предвидя печальныя послѣдствія его, началъ убѣждать горячихъ товарищей своихъ бросить принятое ими намѣреніе; но голосъ его оказался вонющимъ въ нутыгѣ. Всѣми окончательно рѣшено было—не выходить на работы изъ острога; тогда В. К., подойди ко кружку наиболѣе вліятельныхъ товарищей, сказалъ со своимъ нѣмецкимъ хладнокровіемъ:

„Господа, задуманнымъ вами поступкомъ вы не только оскорбите нашего добраго коменданта (полюковника Лепорекскаго, заслужившаго отъ всѣхъ декабристовъ благодарную о себѣ память) и подпедете его подъ непріятность довести о нашемъ возмущеніи въ Иркутскъ, но еще болѣе повредите себѣ. Но если уже вы окончательно рѣшились, то хорошо; и я остаюсь съ вами, только прежде, чѣмъ насъ поведутъ съць, я первый разможжу себѣ голову“.

Сосланные въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состояній, злочестные узники вяли голоеу холод-

наго благоразумія товарища и переговоры въ несколько минутъ между собою, оставили свое опасное намѣреніе.

В. К. былъ въ нѣкоторомъ родѣ тоже оригиналомъ; выше уже было сказано, что онъ никогда не прибѣгалъ къ медицинскимъ пособіямъ и закалялъ себя такъ противъ простуды, что никогда не носилъ даже въ трескучіе морозы, обыкновенной шубы, а ходилъ обыкновенно въ лѣтней шинели и безъ галошъ; обыкновенный же костюмъ его затѣмъ составляли: шестиугольная старая фуражка на кожаномъ подкладѣ и коричневаго сукна сюртукъ, доходящій до пятъ, съ рукавами, совѣмъ закрывавшими пальцы. Другого костюма у него не было, хотя онъ, какъ было извѣстно, обладать и весьма хорошими, средствами къ жизни.

Въ бытность мою въ Ялуторовскѣ къ нему дважды пріѣзжалъ родной племянникъ его Ю. Г. Тизенгаузенъ, служившій ассесоромъ въ Тобольской казенной палатѣ. Характеръ его былъ всецѣло характеръ дяди.

У Муравьевыхъ, жившихъ въ собственномъ домѣ, собирався обязательно кружокъ товарищей по воскресеньямъ: тутъ обѣдали и оставались на весь вечеръ, занимаясь воспоминаніями о быломъ, а иногда игрою въ карты, бостонъ или вистъ. Говоря о событіяхъ 14 декабря всѣ декабристы были очень осторожны при насъ, молодыхъ людяхъ. Теперь этому времени минуло уже 50 лѣтъ, никого изъ нихъ нѣтъ уже въ живыхъ, но я, положивъ руку на сердце, могу утвердительно сказать, что отъ этихъ почтенныхъ людей мы неслыхали ничего такого, что относилось къ осужденію правительства. Они держали себя вполне безукоризненно и даже можно сказать до такой щепетильности, что не дозволяли себѣ даже выходить за черту города. Благонамѣренность свою они оказали преимущественно основаніемъ въ гор. Ялуторовскѣ, при содѣйствіи почтеннаго протоіерея Знаменскаго, на свой счетъ,

двухъ учебныхъ заведеній, первоначально Ланкастерской приходской школы, а впоследствии и женскаго училища для дѣвицъ бѣдныхъ обывателей города. Сверхъ того Якушкинъ давалъ моему товарищу Жилину уроки высшей математики, а Муравьевъ занимался со мною французскимъ языкомъ. Занятіе имъ было настолько успѣшно, что по истеченіи полугода я могъ уже свободно читать на французскомъ языкѣ книги повѣствовательнаго содержанія. Первыми въ этомъ родѣ книгами были, какъ помню, *Ivanhoe* Вальтеръ Скотта и *Le fiancée*, Манцони.

Отъ Матвѣя Ивановича, по оставленіи имъ Сибири, я получилъ три письма, и вотъ содержаніе одного изъ нихъ:

13 февраля 1872 г. Москва.

Садовая, триумфальная, домъ Зайцевой.

„Дождался, наконецъ, любезный К. М., того часа, когда могу сказать Вамъ, съ какимъ удовольствіемъ прочелъ я письмо ваше. Въ надеждѣ, что переписка моя съ вами не ограничится полученіемъ одного этого письма, прошу васъ прислать мнѣ свой адресъ. Вспомните, что наше знакомство началось, когда, кончивши курсъ въ Тобольской губернской гимназій, вы явились на служебное поприще въ Ялуторовскъ—юпошею. Вспомните о радужномъ пріемѣ, сдѣланномъ вамъ нашими добрыми землячскими кружкомъ. Вы знали моихъ добрыхъ товарищей; поговорить о нихъ съ вами, это одно дастъ особенное значеніе переписки между нами.

Въ Сибири протекли лучшіе годы моей жизни. Вы знаете наше Ялуторовское житье-бытье; я породнился съ Сибирью. Желательно бы мнѣ знать преобразованія, совершенныя въ продолженіи нынѣшняго славнаго царствованія; имѣли-ли онѣ благотворное вліяніе на дѣла нашего края? Справедливо было сказано о нашемъ Александрѣ II-мъ.

Онъ осѣнилъ насъ благодатью,
Дѣтей и женъ Онъ нашихъ славъ,
Онъ вспомнилъ и меньшую братью
И къ проsvѣщенью двинулъ насъ.
Благословенъ же будь судьбою;
Тобой мы сильны и горды.
Великій Царь, Господь съ Тобой!

Безъ шутреннихъ потрясеній, которыя довели Францію до совершеннаго нравственнаго унадка и физическихъ силъ, Россія наша стала теперь твердою ногой на широкомъ пути своего преуспѣянія. Богъ услышалъ наши пламенные молитвы и осуществилъ наши завѣтные желанія.

Поговорите мнѣ о себѣ: что касается до меня, то возвращеніе мое изъ Сибири имѣло мало радостей, разумѣется собственно для меня. Изъ всей нашей Науторовской колоніи я одинъ остаюсь въ живыхъ.

Жена васъ дружески привѣтствуетъ.

М. Муравьевъ-Апостоль.

PS. Пошлю вамъ мою карточку, разумѣется съ тѣмъ, чтобы получить вашу. Христосъ съ вами".

Последнее письмо изъ Москвы я получилъ уже о смерти Матвѣя Ивановича отъ воспитанницы его Августы Матвѣевны Сазоновичъ.

Муравьевъ и Якушкинъ имѣли обыкновеніе ежедневно купаться въ р. Тоболѣ, отстоящемъ отъ города въ 1/2 верстѣ и оканчивали эту операцію уже глубокой осенью, когда на рѣкѣ показывалась шуга.

Да, не одинъ Матвѣй Ивановичъ съ тоскою вспоминалъ о Сибири. То же самое писали и нѣкоторые изъ товарищей его протоіерею Знаменскому. Да оно и естественно: проведя четверть вѣка въ Сибирь они volens-ноленс сроднились съ нею. Возвратившись же въ Россію, они уже не застали въ живыхъ многихъ изъ своихъ родственниковъ и старыхъ сослуживцевъ: замѣтившее же ихъ

новое поколѣніе смотрѣло на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже какъ бы съ недовѣріемъ.

Грустно было М. И. доживать свой вѣкъ (онъ умеръ, имѣя отъ роду лѣтъ 90) безъ жены, родныхъ и товарищей, рабѣ его, оставившихъ земное поприще. Не съ кѣмъ было ему и вспомнить прежнее. Огромное состояніе его досталось воспитанницѣ, увоинутой выше А. М. Созоновичъ.

Въ 1846 году распроставшись съ Ялutorовскѣмъ и почтеннымъ кружкомъ декабристовъ, я по распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, выѣхалъ въ г. Курганъ на должность засѣдателя окружнаго суда. Мнѣ всего было 23 года в это назначеніе дли того времени, когда судебныя должности занимались носѣдѣлыми юсами, начиная съ судей и до секретарей включительно, казалось какъ бы изъ ряда выходящимъ исключеніемъ.

Проведя шесть слишкомъ лѣтъ, наилучшихъ въ моей жизни, въ кругу добрыхъ знакомыхъ и товарищей, въ г. Ялutorовскѣ, я перѣхалъ въ Курганъ, отстоящій отъ него въ 160 верстахъ и находившійся въ такихъ же точно бытовыхъ условіяхъ, какъ и Ялutorовскѣ. т. е. Курганъ имѣлъ двѣ каменные церкви, три улицы, училище, также единственное учебное заведеніе для города и округа; не могъ также Курганъ похвастать ни общественнымъ собраніемъ или клубомъ, ни публичной бібліотекой, ни магазинами, ни аптекой, а ужъ о скверахъ или общественныхъ садахъ въ то патріархальное время въ уѣздныхъ городахъ даже и не мечтали. Древностей въ немъ также ни какихъ не было.

Мѣстное общество составляли тѣ же самые чиновники и граждане, какъ и въ Ялutorовскѣ, конечно, только съ другими фамиліями, со включеніемъ лишь межевой партіи, состоявшей изъ десятка землемѣровъ и канцелярій,

подъ управленіемъ начальника межеванія, полковника генеральнаго штаба Б. Но такихъ оригиналовъ, о которыхъ иную разсказано было выше, въ Курганѣ уже не существовало. Изъ числа же государственныхъ преступниковъ находились здѣсь на жительство: Нарышкинъ, Лихаревъ, Фоггъ, Назимовъ, Розенъ, фонъ-деръ-Бригенъ, Башмаковъ, Щенинъ-Ростовскій и Повало-Швейковскій. Изъ нихъ первые пятеро въ разное время переведены были по распоряженію правительства одни на Кавказъ, а другіе во внутреннія губерніи Россіи. Но между ними не было такой братской дружбы и единодушія, какія существовали между Ялуторовскими декабристами. Только Нарышкинъ и Розенъ сходились въ добромъ дѣлѣ: усердной христіанской помощи бѣднякамъ, окрестнымъ крестьянамъ при взносѣ ими податей и посѣвѣ хлѣба.

И такъ въ 1846 г. оставался въ Курганѣ только Александръ Федоровичъ фонъ-деръ-Бригенъ, Флегонтъ Мироновичъ Башмаковъ, Дмитрій Александровичъ Щенинъ-Ростовскій и Повало-Швейковскій, но принадлежалъ ли этотъ послѣдній къ кружку декабристовъ или сосланъ былъ по польскому возстанію, я утвердительно сказать не могу сколько по давнопрошедшему времени, а болѣе потому, что онъ велъ жизнь уединенную, не показываясь нигдѣ.

Фонъ-деръ-Бригенъ, крестникъ поэта Державина и женатый на Миклашевской, былъ статный и красивый мужчина лѣтъ 50-ти, довольно высокаго роста и съ постояннымъ румянцемъ на щекахъ; жилъ онъ во флигелѣ собственнаго дома, а въ капитальномъ зданіи помещалась сожительница его, еще не старая и довольно красивая дѣвица съ двумя дочерьми-подростками. Изъ товарищей постоянно у него бывалъ только Башмаковъ, а изъ прочихъ горожанъ старшій запасный землемѣръ Федоровъ, управляющій Илецко-Иковскимъ винокуренимъ заводомъ

Кельбдынь и я. И бывалъ часто прочихъ, живя рядомъ съ нимъ и А. Ф. былъ воспріемникомъ первой жонѣ дочерв Юліи. Въ 1848 году, получивъ отъ вравительствя разрѣшеніе на вступленіе на государственную службу, онъ убѣдилъ меня уступить ему занимаемую мною должностъ заѣдателя окружнаго суда и получивъ на то мое согла- сіе, отправился въ Омскъ просить объ этомъ генераль- губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, съ братомъ котораго, Михаиломъ Дмитріевичемъ, служившимъ началь- никомъ штаба при кп. Паскеничѣ, онъ пѣкогда былъ хо- рошо знакомъ. Просьба его, конечно, была уважена и онъ сдѣлался „чиновникомъ“, а я заѣдателемъ Омскаго зем- скаго суда по Юдинской волости и Иртышной казачьей линіи.

Во время нахождения своего въ Курганѣ фонъ-дербъ- Бригенъ занимался переводомъ на русскій языкъ „Юліи Цезаря“, который, по окончаніи и посвятилъ другу свое- му поэту Жуковскому. Вислѣдствіе А. Ф. возвращался въ Россію, а семья его, имъ обезпеченная изъ средствъ къ жизни, осталась въ Курганѣ, гдѣ выжили замужъ и дочери его.

Вашмаковъ, старикъ лѣтъ 70-ти, довольно тучнаго тѣлосложенія, былъ большой говорунъ и анекдотистъ; жилъ онъ на маленькой квартирѣ въ домѣ мѣщанинѣ Ризенко- вой и по старости лѣтъ шитьемъ уже не занимался. Не имѣя никого знакомыхъ, кромѣ Бригена, меня и отстав- ного стряпчяго Тванена, онъ не рѣдко, не заходя даже въ комнаты, рассказывалъ съ улицы городской новости и анекдоты. Ф. М. любилъ и даже очень любилъ поить хорошо, т. е. до отвалу; у насъ съ женою онъ обѣдалъ не рѣдко и правду сказать, не отличался опрятностію за столомъ. Старикъ любилъ рѣзать правду всякому изъ насъ, за что многіе и не любили его. Будучи однажды у городничяго С—го, онъ встрѣтился съ командиромъ

кавалерийской бригады, квартировавшей в укреплённой крепости Прёсногорьковской, полковником Эллиенемъ. Последній только-что начал свой рассказ о какомъ-то служебномъ отличіи, за которое онъ получилъ высвѣдѣній у него на шею орденъ св. Анны 2 степени. Ф. М. не дождавшись конца этого разсказа, подошелъ къ нему и сказалъ: „Эхъ, полковникъ, — не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать. Ну, какое же отличіе могли вы оказать по службѣ, — развѣ только за свое Прёсногорьковское сидѣнье? А я вотъ этотъ же самый орденъ получалъ, въ чинѣ подполковника, за Лейпцигъ, и вы согласитесь, что тутъ то награды давались ужъ не заслуженно“.

У меня остался еще въ памяти анекдотъ, разсказанный мнѣ про одного артиллерійскаго капитана, сдѣлавшагося въ царствованіе Павла викариемъ епископомъ. Дѣло состояло въ томъ, что капитанъ этотъ, назвавшись православнымъ священникомъ и промысливъ гдѣ-то являясь тайно, безъ согласія отца-магната, только что прѣхавшаго изъ Варшавы въ Петербургъ, обвинялъ на своей квартирѣ единственную дочь его съ сослуживцемъ своимъ, полковникомъ офицеромъ. Невѣста, конечно, не подозрѣвала тутъ обмана, такъ какъ сами священники заграничій не носятъ ни бороды, ни длинныхъ волосъ. Отецъ приносилъ жалобу Императору и храбрый капитанъ на другой же день отосланъ былъ къ митрополиту для посвященія въ монашескій санъ при Александро-Невской лаврѣ.

Не видя другого исхода изъ этого положенія, капитанъ, получившій хорошее воспитаніе сначала дома, а потомъ въ шляхетномъ корпусѣ, началъ усордно заниматься богословіемъ и вскорѣ переводами своими на русскій языкъ иностранныхъ богословскихъ сочиненій обратилъ на себя особенное вниманіе пладыки. Прошло нѣсколько лѣтъ и іеромонахъ Анатолій вскорѣ же по посвященіи въ эту мѣну, рукоположенъ былъ викариемъ епископомъ куда-то

на вой Россіи. Спустя послѣ этого лѣтъ 15, Ф. М., служившему также въ артиллеріи и вѣкогда встрѣчавшемуся по службѣ съ бывшимъ капитаномъ, случилось быть въ той мѣстности и даже монастырѣ, гдѣ проживалъ викарій. Разговоръ, между прочимъ, зашелъ о старпья и послѣдній спросилъ Ф. М.-на: не зналъ ли онъ въ бытность свою въ Петербургѣ капитана М., назвалъ при этомъ его фамилію. Башмаковъ отвѣчалъ, что служилъ съ нимъ въ одной бригадѣ, но не знаетъ гдѣ онъ теперь находится и что съ нимъ случилось по невольномъ рукоположеніи въ монашество за дерзкое признаніе на себя духовнаго сана. „Значить, вы, полковникъ, не узнали бы его, встрѣтившись съ нимъ гдѣ-нибудь нынѣ“?

— „Я думаю, что и трудно было бы узнать послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ нами порознь и въ разныхъ званіяхъ“.

— „Ну такъ вотъ онъ передъ вами на лицо, сказали улыбаясь преосвященный.“

Башмаковъ, естественно, извинился, принявъ эти слова сначала за шутку и убѣдился въ справедливости ихъ уже тогда, когда хозяинъ, пригласивъ его къ себѣ въ кабинетъ, приказалъ подать бутылку шампанскаго и рассказалъ всю предшествовавшую жизнь свою.

— „Да, полковникъ, бывалъ онъ въ заключеніе, — въ настоящее время и въ настоящемъ экономическомъ и бытовомъ отношеніи я не желалъ-бы быть даже вашимъ корпуснымъ командиромъ: поны водятъ меня подъ руки, барыни цѣлуютъ мои руки, а погребъ у меня такой, какой едва-ли есть и у его высокопревосходительства.“

Басаринъ, живя въ Курганѣ, занимался разнымъ рода коммерческими оборотами и на досугѣ любилъ играть въ карты. Онъ былъ женатъ сначала на молоденькой и хорошенькой особѣ, во прежилъ съ всю недолго и по смерти ея, перепросившись въ Илуторовъ, женился здѣсь

вторично на вдовѣ купца и фабриканта Медвѣдовой, взявъ за нею въ приданое стеклодѣлательный Контюль-скій заводъ.

Впоследствии онъ перѣхалъ въ Омскъ и поступилъ на службу въ главное управленіе Западной Сибири.

Со Щепинимъ-Ростовскимъ (угратившимъ подобно Оболенскому княжеское достоинство) я встрѣчался чаще всего въ домѣ чиновника Дмитрія Евграфовича Щенина, за молодецкою и хорошецкою сестрою котораго Дмитрій Александровичъ крѣпко ухаживалъ, стараясь казаться еще не старымъ *unviva*’омъ. Теперь А. Е. уже старушка, имѣющая нѣсколькихъ внуковъ: замужемъ она была за военнымъ докторомъ Дювернуа.

Д. А. замѣчательнъ былъ тѣмъ, что будучи брюнетомъ, имѣлъ одинъ усъ черной, а другой совершенно блѣднъ. Рассказывали, что этотъ казусъ случился съ нимъ въ слѣдствіе сильнаго душевнаго потрясенія во время содержанія подъ стражею, въ Петропавловской крѣпости или въ Литовскомъ замкѣ, не упоминаю.

Съ декабристами, находившимися въ описанное время въ Тобольскѣ, я познакомился въ повѣдки мои изъ Ялуторовска, по рекомендаціямъ М. И. Муравьева-Апостоля. Въ Тобольскѣ поселены были; Александръ Михайловичъ Муравьевъ съ супругою Жозефиною Адамовной, Михайлъ Александровичъ фонъ-Визинъ съ супругою Натальсю Дмитріевною, Иванъ Александровичъ Анненковъ — съ Прасковьею Егоровною, Петръ Николаевичъ Свистуновъ — съ Татьяною Александровною, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ и два брата Вобрищевы-Пушкины. О С. М. Семеновѣ сказано было уже выше.

Муравьевы, обладая большимъ состояніемъ, занимали каменный двухъ-этажный домъ, послѣ Михайло-Архангельской церкви, гдѣ нынѣ помѣщается Маріинская женская школа: впоследствии же заняли домъ, бывшій подполков-

ника Кривцова, по Рождественской улицѣ. При нихъ были дочери: Екатерина, вышедшая замужъ за капитана англійскаго флота; Александра, вышедшая также замужъ за контрольнаго чиновника Абаза и Елена, оставшаяся еще въ дѣвцахъ. Сынъ Михаилъ, находясь въ Россіи, былъ предводителемъ дворянства въ г. Ялтѣ. Муравьевы жили открыто, принимая у себя почти всю Тобольскую quasi аристократію и въ свою очередь посѣщая ее. Сынъ А. М. считался на службѣ при Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи. У Муравьевыхъ жилъ старшій товарищъ и другъ А. М. штабъ-лекарь Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ, женившійся впоследствии на Муравьевой, послѣ смерти ея мужа.

Муравьевъ и Вольфъ, считались товарищами при жизни, остались таковыми же и по смерти, будучи похоронены рядомъ на Тобольскомъ кладбищѣ. На могилахъ ихъ по сіе время существуютъ богатые чугунныя памятники.

Фонъ-Визини жили сначала за Абрамовскимъ мостомъ на квартирѣ, а потомъ перѣехали на гору въ домъ, принадлежащій нынѣ кафедральному Софійскому собору. Они также жили открыто, но особенно дружны были съ архіепископомъ Афанасіемъ и епископомъ Владиміромъ. Первый изъ нихъ былъ высокообразованный іерархъ, обладавшій богатою бібліотекою и знавшій хорошо древніе языки, а изъ новѣйшихъ только французскій; нѣмецкаго же онъ не зналъ, а потому о переводѣ съ него замѣчательныхъ богословскихъ сочиненій на русскій языкъ онъ всегда обращался съ просьбою къ Михаилу Александровичу. Дѣтей при фонъ-Визинихъ въ Тобольскѣ, сколько упомяну, не было. Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ они близко были знакомы съ прокурорами Черепановымъ и Францевымъ и дивизионнымъ генераломъ Гладышевымъ. Бывалъ также у нихъ, въ проѣзды свои изъ Омска въ Тобольскъ,

громкій въ свое время генералъ-губернаторъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, женатый на Черевиной, двоюродной сестрѣ Натальи Дмитріевны фонъ-Визиной. По возвращеніи въ Россію и по смерти тамъ мужа эта послѣдняя вышла замужъ за П. И. Пущина.

Ариенковы жили въ собственномъ домѣ, недалеко отъ Христорождественской церкви (нынѣ Захарова). При нихъ были сыновья Владиміръ и Николай и дочери Ольга и Наталья. Иванъ Александровичъ служилъ въ должности особаго засѣдателя Тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія, а въ послѣднее время, возвратясь въ Россію, былъ предводителемъ нижегородскаго дворянства. Сыновья его занимали также довольно видныя мѣста на государственной службѣ.

П. Н. Свистуновъ, женатый на воспитанницѣ бывшаго курганскаго исправника Дуранова Татьянѣ Александровнѣ, жилъ въ собственномъ домѣ по Большой Архангельской улицѣ. Онъ былъ хорошій знатокъ въ музыкѣ и на домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ самъ игралъ на какомъ-то инструментѣ, если не ошибаюсь, на виолончели. П. Н. занималъ должность члена совѣта Тобольской Марининской женской школы и въ этомъ званіи получилъ орденъ св. Станислава 3 степени. У Свистуновыхъ было двое дѣтей, сынъ Петръ и дочь Марія. П. Н. послѣднее время жилъ и умеръ въ Москвѣ.

В. К. Кюхельбекеръ, одинъ изъ близкихъ друзей Пушкина по музею, женился въ Восточной Сибири на крещеной буряткѣ по имени Дросидѣ Ивановнѣ, женщинѣ не первой уже молодости, некрасивой и необразованной. Трудно было придумать, что заставило его сдѣлать такой страшный mesalliance, но безъ всякаго сомнѣнія онъ въ этомъ случаѣ не держался убѣжденій религіознаго Е. П. Оболенскаго. Кюхельбекеръ занимался поэзіей и, еще будучи въ Царскосельскомъ лицѣ, любилъ читать

товарищамъ свои стихи, и по словамъ Пушкина, однажды такъ надолго Пушкину, что тотъ, отвернувшись отъ него, сказалъ: „ну, братъ, это ужъ Кюхельбергерно—тошно“. Съ тѣхъ поръ эта фраза обратилась въ поговорку между товарищами его. Лиценстами. Находясь въ Курганѣ, онъ написалъ шуточное стихотвореніе подъ названіемъ „Курганиада“, которое начинается такъ:

Премудрый К.....ъ*). Кургана управитель,

Нахохлевшись идти къ Алаичу въ обитель,
дальше не упомяну. (Ф. А. Дальцевъ былъ управляющій курганскими илтейными отбумами). У нихъ дѣтей не было.

Братья Бобринцевы—Пушкины Павелъ и Николай жили въ Тобольскѣ, но на разныхъ квартирахъ и вели жизнь уединенную. Николай сградаль тихимъ умомѣнательствомъ и оба брата впоследствии возвратились въ Россію.

Гавриилъ Степановичъ Батеньковъ родился въ 1793 году въ г. Тобольскѣ, но еще въ малолѣтствѣ увезенъ былъ отсюда въ Петербургъ для опредѣленія во второй кадетскій корпусъ. По окончаніи здѣсь курса онъ вступилъ въ одну изъ батарей дѣйствующей арміи и участвовалъ въ походахъ 1812—1815 годовъ. По возвращеніи въ Россію Батеньковъ, выдержавъ экзаменъ на званіе инженера, уѣхалъ на службу въ г. Томскъ, и отсюда по приглашенію М. М. Сперанскаго, ревизовавшаго тогда сибирскія губерніи, отправился къ нему въ Иркутскъ, гдѣ Сперанскій, въ званіи уже генералъ-губернатора, работалъ по преобразованію Сибири: Батеньковъ былъ горячимъ и энергичнымъ сотрудникомъ его и въ 1821 году уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ. Здѣсь по протекціи М. М. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ съ

*) Каренинъ, смотритель уѣздныхъ училищъ.

бирского комитета. Казалось такимъ образомъ, что блестящая карьера его была вѣдѣнаго сомнѣнія, но къ сожалѣнію счастье скоро изменило ему: въ концѣ 1825 г. Бательковъ за участіе въ заговорѣ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и содержался въ одиночномъ заключеніи въ теченіи 20 лѣтъ. Въ 1846 г. Гавриилъ Степановичъ отправленъ былъ изъ крѣпости въ Томскъ и черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, возвратившись въ Россію, поселился въ Калугѣ, гдѣ и умеръ семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Находясь въ Томскѣ, Г. С. познакомился съ почтеннымъ семействомъ губернскаго стряпчяго Лучшева и по смерти сего послѣдняго вызвалъ вдову его съ дѣтьми въ Калугу, гдѣ и покровительствовалъ имъ до самой смерти своей.

Позднѣе прибылъ въ Тобольскъ изъ Ишима Владимиръ Ивановичъ Штейнгель; въ бытность свою въ Ишимѣ онъ по порученію ишимскаго купца Черныкова, члена географическаго общества, написалъ „Историческое описаніе Ишимскаго округа“, которое и было отпечатано въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. М. И. Муравьевъ-Апостоль, во время жительства моего въ Ялуторовскѣ, сообщивъ мнѣ книжку этого журнала, посоветовалъ оставить такое же описаніе и Ялуторовскаго округа, что мною и было исполнено. За трудъ этотъ, сообщенный мною тогдашнему губернатору К. Ф. Энгельму, я получилъ благодарности отъ его превосходительства.

Еще до знакомства моего съ тобольскими декабристами, здѣсь жилъ и умеръ некто бывший князь Барятинскій, о которомъ, чрезъ Н. С. Знаменскаго, мнѣ извѣстно только то, что у него хранилась часть древа Св. Иже-вотворящаго Креста Господня, отосланнаго по смерти его къ его родственникамъ.

Нѣкоторыя подробности собственно о тобольскихъ де-

кабристахъ обязательно сообщены мнѣ д. с. с. Н. С. Знаменскимъ, бывшимъ воспитанникомъ фонъ-Визинныхъ.

Въ Туринскѣ проживалъ Ивашевъ, о которомъ я ничего сказать не могу, такъ какъ въ Туринскѣ не былъ и г. Ивашева вовсе не зналъ.

Вообще, говоря о декабристахъ, нельзя не сознаться, что имъ все-таки лучше жилось въ губернскомъ городѣ, чѣмъ товарищамъ ихъ въ уѣздныхъ городахъ. Въ Тобольскѣ было и болѣе цивилизованное общество, выпускалось и много журналовъ и газетъ, составлялись семейные вечера и любительскіе спектакли; при нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ были библіотеки; наконецъ для отдохновенія отъ домашнихъ и служебныхъ занятій существовали общественные сады, сначала такъ называемые Прокурорскій и Комисариатскій, а впоследствии и Ермаковскій съ памятникомъ завоевателю Сибири Ермаку.

К. Голодниковъ.

